

УДК 82.09.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-8-18

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ИДЕЙ, ХАРАКТЕРЫ И СУДЬБЫ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В «ПОВЕСТИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» (1944) М. М. ПРИШВИНА

Алексеева Л. Ф.

*Московский государственный областной педагогический университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Интерпретация военной повести Пришвина, которая приобретает всё большую актуальность в XXI в.

Процедура и методы. В работе приведён краткий перечень современных исследователей Пришвина, изучающих его связи с отечественной и европейской философией. Затем подвержена анализу повествовательная структура произведения М. М. Пришвина 1944 г., прокомментированы отношения между повествователем, персонажами и автором в общем художественном пространстве, выявлены некоторые переклички произведения с Дневником писателя за 1942–1943 гг. Проведено сопоставление дневниковых записей о трагической современности, предшествующих работе над повестью (для уяснения исторического и биографического контекста), с некоторыми фрагментами и сюжетными звеньями «Повести нашего времени». Привлечены не только размышления автора, повлиявшие на содержание произведения, но и те высказывания писателя, в которых угадываются исторические и нравственно-этические перспективы, ставшие «нашим временем» для читателей нового тысячелетия.

Результаты. Сделан вывод, что авторский анализ идей, сопровождающих человеческую историю от ветхозаветных времён к христианству и социализму, присутствует в повести Пришвина как путь сопротивления злу. Автор Дневника стремился открыть и понять и причины героизма, и перспективы будущего благополучия, понятого Пришвиным как большая опасность для соотечественников, утративших веру в Бога (по существу ожидающих царства антихриста).

Теоретическая и/или практическая значимость определяется вкладом в методологию литературоведческого анализа и возможностью их использования в практике преподавания филологических дисциплин.

Ключевые слова: повествователь, «Повесть нашего времени», примитив как художественная форма искусства, М. М. Пришвин, проблема зла и возмездия, религиозно-философское пространство

OPPOSITION OF IDEAS, CHARACTERS AND FATES OF MEN AND WOMEN IN M. M. PRISHVIN'S "THE TALE OF OUR TIME" (1944)

L. Alekseeva

*Moscow Region State Pedagogical University
ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. Prishvin's military story, which is becoming increasingly topical in the 21st century, is interpreted.

Methodology. The paper provides a short list of contemporary researchers of Prishvin, who study his connections with Russian and European philosophy. The narrative structure of M. M. Prishvin's work of 1944 is analyzed; the relationship between the narrator, characters and the author in the general artistic space is commented; and some overlaps between the work and the Writer's Diary for 1942–1943 are

revealed. Diary entries about the tragic present, preceding the work on the story (to clarify the historical and biographical context), are compared with some fragments and plot links of "The Tale of Our Time". Not only the author's reflections, which influenced the content of the work, but also those statements of the writer, in which historical, moral and ethical perspectives are predicted, which have become "our time" for readers of the new millennium, are discussed.

Results. A conclusion is made that Prishvin's analysis of the ideas that accompany human history from the Old Testament times to Christianity and socialism is present in his story as a way of resisting evil. In his Diary, Prishvin sought to discover and understand both the causes of heroism and the prospects for future well-being, which he regarded as a great danger for compatriots who had lost faith in God (essentially awaiting the kingdom of the Antichrist).

Research implications. The work contributes to the methodology of literary analysis and the possibility of their use in the practice of teaching philological disciplines.

Keywords: narrator, "The Tale of Our Time", primitive as an artistic form of art, M. M. Prishvin, the problem of evil and retribution, religious and philosophical space

Введение

Творчество М. М. Пришвина с начала его вхождения в литературный процесс было замечено критикой, а после ухода писателя в мир иной стало предметом серьёзных филологических и философских исследований и остаётся в центре внимания учёных в конце XX и XXI вв. [1; 2; 3; 4; 5; 12; 14; 15; 16]¹. Однако «Повесть нашего времени», созданная в период войны, привлекала мало внимания со стороны литературоведов не только потому, что в период, когда она готовилась к печати, далеко не всё в ней соответствовало марксистско-ленинским идеям. Позже, когда вещь была опубликована, вероятно, казалась специалистам-гуманитариям не очень актуальной и, может быть, мало пригодной для «умного» истолкования, поскольку на первый взгляд была примитивна. Однако установка на простоту, на создание текста малообразованным самоучкой, достигшим умения мыслить и понимать серьёзные идеи прошлого и настоящего через самостоятельное чтение, вполне осмысленно задана автором, в чём нетрудно убедиться, изучая структуру повествования и его локальные фрагменты. Примитивные полотна Пирсонишвили просятся в аналогию такому типу словесного искусства.

В связи с проблемой отношения читателей-современников к произведению

Пришвин записал 7 января 1942 г. в дневнике: «Качество моих писаний и успех почти не зависят от того или другого состояния государства и общества. Но эта независимость от времени, способность видеть всегда *Sub specie aeternitatis*², именно эта способность и обеспечивает успех среди избранных, накаплиющихся во времени»³. Для исследователя Пришвина философа А. М. Подоксенова в этой независимости от исторических обстоятельств имеется устойчивая закономерность, обусловленная значительностью художника: «В истории отечественной культуры М. М. Пришвин является одним из самых сложных и многогранных явлений, и хотя о жизни и творчестве писателя сказано уже немало, у его наследия, как и у всякого значительного культурного явления, есть примечательное свойство: сам ход времени и обновление исследовательских парадигм порождают всё новые интерпретации его таланта» [13]. Хотя часть дневника за 1942–1943 г. входит в 8 т. собрания сочинений Пришвина⁴, мы в данном случае привлекаем отдельное полное издание, включающее 813 страниц текста – только за два военных года.

² *Sub specie aeternitatis* (лат.) – с точки зрения вечности.

³ Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943 / подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой; ст. комм. Я. З. Гришиной. М.: РОССПЭН, 2012. С. 15.

⁴ Пришвин М. М. Дневники. 1905–1954 // Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. М.: Художественная литература, 1986. 759 с.

Специфика художественного времени

Перерабатывая многие материалы, включённые в дневники, komponуя повесть в 1944 г., когда происходившее в самые горькие, трагические годы войны отодвинулось на дистанцию, с которой можно было осмыслить эпоху и основные её тенденции как целое, Пришвин расширил диапазон художественно-исторического и религиозно-философского пространства, аккумулировавшего идейные и нравственно-эстетические вехи бытия. Можно отметить в тексте одновременно реализованную конкретизацию и символическое сгущение эпизодов и сцен, – некоторые из них приобрели почти плакатную заострённость.

Контекст философских и религиозно-философских имён, включая Фридриха Ницше, Анри Бергсона, Николая Гоголя, Владимира Соловьёва, Дмитрия Мережковского, Владимира Вернадского, Николая Фёдорова, Николая Бердяева, Василия Розанова, Сергия Булгакова, Максимилиана Волошина и др., указанных современными пришевиноведами [2; 6; 8; 9; 10; 11], определяет диалогическое поле осмысления состояния мира, перспектив истории – и в дневнике 1942–1943 гг., и в «Повести нашего времени», где не все «вечные спутники» названы по именам. В структуре повести резко обнаруживается концентрация внимания на проблеме мирового зла и его одоления на христианском пути, о котором размышляют и рассуждают, главным образом, персонажи-мужчины, но женщины в авторской мысли о времени и вечности занимают не последнее место.

Повествователь и автор, их аксиологические ориентиры

Повествователь в этом произведении, как он заявляет о себе в первой главе с ветхозаветным названием «Песнь песней», – «вовсе и не писатель», – он «только слесарь и токарь», простой рабочий из совхозного посёлка Усолье под Переславлем-Залесским, уже немолодой человек,

для молодых жителей – дядя Алексей Михайлович. Этот сказитель историй о «нашем времени» до написания предлагаемого текста совершенствовался в опыте жизни, умудрялся разнообразным чтением и ещё странничеством: «носок моего сапога туда-сюда прошёл по всей русской земле»¹. Художественное пространство повести вбирает в себя ветхозаветные времена от царя Соломона, который, как упоминает повествователь, несмотря на войны, в которых ему приходилось участвовать, вознёс в *Песни Песней* простую любовь.

Рассказчик в сказовом пространстве повести ценит в собеседниках верность своему делу, духовную стойкость, подчёркивая, что есть среди жителей не только «самородки», но и люди, имеющие отношение к настоящему образованию, связанные с церковью. Таковы отец и сын Коршуновы. Мирон, сын священника: «как стал за ящик старостой в отцовской кладбищенской церкви, так и простоял за ним всю жизнь, как дуб. А когда у него подрост сынишка Ваня, то мальчик стал рядом с отцом возле ящика, и было очень похоже, будто рядом с большим, старым дубом стал подниматься тоненький, молодой»². Аналогия с деревьями напомнит читателю об авторе, воспринимавшем мир через *родственное внимание* к природе.

Пришвин в повести, вероятно, ориентировался не только на современного, но и на отдалённого читателя, который перестанет жить войной, не в пример персонажам, которые проживают свою жизнь и любовь – в горестном, а иногда и жестоком сочетании с военными фронтовыми и тыловыми буднями. Установка на то, чтоб запечатлеть в повести правду, побуждает его соединить созерцание простых событий и размышления о главном: проводы на войну мужей, ожидание писем и каких бы то ни было известий, осторожные намёки на сокрытие правды властями – объявления, что освободили некоторые города и населённые

¹ Пришвин М. М. Повесть нашего времени // Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1983. С. 149.

² Там же. С. 151.

пункты, но не было сообщений, что их сдавали немцам. Для персонажей «Повести нашего времени», молодых женщин, мужчин, возвращающихся домой после ранений и плена, – это их неизбежная судьба, и долг, и радость, и повод к осмыслению житейских вопросов и главных ценностей бытия. И сам повествователь живёт живой современностью, а не тем, что окостенело в прошлом: «Как бы я рад был уйти от бурь в тишину, но там, в глубине, и темно, и воздуху нет. Нечего делать! Приходится бурю принять»¹. Когда-то Александр Блок написал в стихах, адресованных Зинаиде Гиппиус, что ему предстает «бросаться в многопенный вал». Так *в своё время* и он понимал своё призвание.

У рассказчика, Алексея Михайловича, несмотря на рабочую профессию слесаря и токаря по металлу (сам о себе он замечает, что мысль его «скована делом»), весьма богатый читательский опыт. Он собрал книжную коллекцию из воспетых символистами «вечных спутников». Описывая довоенные разговоры молодых и вошедших в зрелый возраст книголюбов, повествователь называет весь идеальный книжный круг «десять мудрецов», благодаря которым хозяин комнаты «в итееровском домике» «приобрёл священное уважение к слову». Здесь Пушкин, Лермонтов, Толстой и Достоевский, а также Гоголь, который занимает место на полках двумя собраниями сочинений. Одно из них в роскошном сафьяновом переплёте, а другое – самодельное, переплетённое в ситчик самим летописцем «нашего времени». Однако поначалу Гоголь не выделен среди других как особо почитаемый или поособому значительный.

Долг писателя и летописца

С самого начала повествователь, фиксирующий картины современности, заявил, что руководствуется он не свободным желанием воспеть красоту, а чувством

долга: «сейчас, когда гремит война и все пьют мирскую чашу страданий, я не в силах писать, как мне хочется»². Идеалом для рассказчика, как он провозглашает, является не писатель, а летописец Нестор, соединяющий «поколения людей»³: «В своё время понял я такой идеал человека, читая с благоговением “Русскую историю” Ключевского. Сквозь туман далёкого прошлого, из тёмных лесов нашей родины светит мне его лампада, и мне хотелось бы тоже быть таким стариком: простым, скромным, как он, и, как молодой, устремлённым с верой в грядущие времена»⁴. Новый летописец «нашего времени» верит, что «и сейчас, сию даже минуту, в самые тяжкие дни войны этой, где-нибудь такой человек намотал себе на ухо верёвочки от очков и пишет»⁵. Грандиозная задача связать собой поколения привлекает дядю Алексея, скромно фиксирующего то, что он наблюдает, слышит из уст простых людей, которые отдыхают возле железнодорожной будки, сидят на хворосте, обсуждают житейские истории и пересказывают полуфантастические *байки* (может быть, *притчи*) о предсказаниях конца войны. Скрывшись за образом рассказчика, через внешние детали портрета автор всё же намекает на самого себя, обладающего солидным писательским опытом, но в данную трагическую пору как будто не очень ему дорогого и почти неважного. Самое главное для времени, когда торжествует мировое зло, чтоб человек умел думать и строить свою жизнь: «Но пусть он сам и не пишет – всё равно: в поступках своих он не будет слепо подчиняться судьбе и непременно послужит великому делу любовной связи людей между собою»⁶. Таким образом, для *Альтер эго* автора задача информативная расширяется до актуализации духовного задания. Он как будто развенчивает собственную репутацию певца природы, убеждает себя и новых читате-

² Там же. С. 148.

³ Там же. С. 151.

⁴ Там же. С. 150.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

¹ Пришвин М. М. Повесть нашего времени // Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1983. С. 155.

лей: писать надо «не о северной природе, а о душах людей, меня окружающих и никому не ведомых»¹.

Ещё в 1923 г., одобряя главы из романа «Кашеева цепь», Горький в одном из писем заметил особенность пришвинского писательского дара: «И прекрасный Ваш язык говорит через разум читателя прямо душе его»². Своей последующей прозой Пришвин последовательно закреплял это качество.

Будучи разделёнными войной, персонажи, включая рассказчика, заботятся о том, чтоб излечить мир от злобы добротой, жертвенной любовью, спасти чужую любовь и не уронить человеческого достоинства, переживая страдания и утраты. В дневниковой записи Пришвина за 27 июля 1942 г. читаем строчки (как будто вдохновлённые Тютчевым, его стихотворением «Два единства»³): «Время требует от писателя прославления вражды, возбуждения ненависти к врагам. А мы в это время взяли за любовь, поставили задачу себе сказать о любви такое, чего о ней ещё не сказал ни один поэт и художник. И мы уверены в том, и знаем, что наше время придёт, как все знают, что рано ли, поздно ли война кончится»⁴. Это «наше время» всего через два года входит в заголовок повести, напоминая о волнующем читателей многих поколений произведении М. Ю. Лермонтова.

Место действия

Место действия в «Повести нашего времени» – городок Переславль-Залесский и его окрестности, ближние сёла и деревни – местность с борами и перелесками между полей, многочисленными православны-

ми храмами, монастырями, знаменитым Плещеевым озером, где юный царь Пётр строил свой первый флот, где природные и рукотворные красоты напоминают постоянно о старинных и незыблемых ценностях. Затейливой вязью связаны между собой житейские истории и книжная мудрость. Примитивные предметы древности, которые обнаруживают музейщики, казалось бы, сущие пустяки, незначительные предметы быта, выявлены и включены в текст как свидетельства о русской древности, сохраняющей родовое и духовное тепло. Об этой относительности ценностей Гаврила Алексеевич Староверов рассуждал как мудрый человек: «Ключевский какую написал книгу по этим пустякам. И так и сама книга: кому дорога, а кому и в книге нет ничего»⁵. Рассказчик подключается эмоциональным и вместе с тем мудрым комментарием опытного мыслителя: «Куда махнул! А между тем как теперь вспомнишь во время войны, то непременно на немца подумаешь: то же и он думал – нет ничего – и ошибся»⁶. Широкое поле исторической жизни диктует человеку путь, направляющий к жертвенному подвигу Христа, образ которого незримо присутствует во многих сценах (например, Некто пишет палочкой на песке и предлагает тому, кто без греха, бросить в женщину камень). Его незримое присутствие определяет направленность размышлений и действенных устремлений людей – вблизи от фронта, но всё же в стороне от атак и тотальных разрушений.

Трагедийные сюжеты мужских и женских судеб

С упоминания о племяннице рассказчика, голубоглазой «птичке» Милочке, начинается рассказ о местах возле древнего города, откуда фронт в 1941–1942 гг. был весьма близко, вплоть до того, что жители опасались бомб и рвущихся недалеко сна-

¹ Пришвин М. М. Повесть нашего времени // Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1983. С. 155.

² Горький А. М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 29. Письма, телеграммы, надписи. 1907–1926. М.: Гослитиздат, 1955. С. 418.

³ Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений. Письма: в 6 т. Т. 2 / сост. В. Н. Касаткина. М.: Классика, 2003. С. 221.

⁴ Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943 / подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой; ст. комм. Я. З. Гришиной. М.: РОССПЭН, 2012. С. 226.

⁵ Пришвин М. М. Повесть нашего времени // Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1983. С. 153.

⁶ Там же.

рядов, а некоторые дома были даже изрешечены пулями.

Простая семейная история Натальи и плутоватого Артюшки, замыслившего дезертирство ещё до мобилизации, а затем её измена пропавшему без вести мужу и счастливая жизнь с Александром Филимонычем описана с явным сочувствием дяди Алексея, упоминается и о добром отношении к доверчивой женщине со стороны жителей. Прочная и верная любовь Анны Александровны и Ивана Гавриловича Староверова, брак Милочки и Алексея Мироновича (в котором, по замечанию рассказчика, не было *вечности*), любовь бывшей чертёжницы к заике Сергею, сложное положение мужа, у которого жена полюбила другого, – здесь короткие и потрясающе трагедийные сюжеты мужских и женских судеб.

18 июля 1942 г. Пришвин записал, осмысливая ретроспективу мировой истории с позиций человека, увидевшего суть «нашего времени»: «Наш дух страдает от ограничения временем (сроком) и в этом именно и есть смысл Ветхого завета, что в нём пророки учат терпению в ожидании срока освобождения духа. В Новом завете, напротив, преподаётся вольное преодоление времени путём готовности отдаться (умереть) в любви. Отчий, огненный закон учит мужа брать жизнь такой, как она есть. Закон крещёных водою и Духом даёт образ жены, облечённой в солнце ..., в мире, где времени больше уже и нет»¹.

В поле зрения повествователя довоенное строительство фабрики, домиков, избавлявших от тесноты, в которой страдали от бытовых неурядиц в первую очередь женщины. Почти все они были обычно милыми красавицами, но на коммунальной кухне превращались, как у Гоголя, в «кошек» и «ведьм», одна из которых опрокинула огромный чугунок со щами на голову аккуратненькой медсестры Лидии Фёдоровны. Недовольство уничтожением деревьев на прибрежной Круче спрово-

ждается описанием радости иметь свой дом. Все воспоминания и раздумья, однако, группируются вокруг общемировых звеньев, в которых вызревает зло: «Но и в то время, когда мы радовались на своей Круче, враг уже и тогда точил на нас нож, и кто-то об этом знал и принимал меры. Жизнь, конечно, сохнет от думы, и нам жить хотелось, и мы не хотели думать об этом, что враг на нас точит нож...»².

Проблема мирового зла

Наряду с углом зрения наблюдателя в сказовом повествовании развёртывается философски углублённая история, касающаяся осмысления проблемы зла и отношения к нему как проблемы метафизической и одновременно поведенческой. В течение пятидесяти лет обдумывал Алексей Михайлович повесть Гоголя «Страшная месть» и инстинктивно устранился от чувства ужаса, внушаемого гоголевским образом Мстителя. Но вот наступает грозное «наше время», открывающее смысл, прежде недоступный: «И только уже в старости, когда я забрался на всю высоту этих сухих слов “Страшная месть”, то раскрылась вокруг меня необъятная ширь, и когда облака разорвались, сам своими глазами увидел я на Карпатских горах Страшного Мстителя с мёртвыми очами, и от него тень двигалась по всей земле»³. Гоголевский образ по-новому волнует пожилого человека, ставшего свидетелем второй на его веку мировой войны: «Только когда кости мёртвого колдуна потрясли теперь всю нашу землю и моя душа вместе со всем миром содрогнулась, вдруг понял я, почему такой страстный любитель чтения, как я, держал Гоголя отдельно от любимых моих мудрецов: на всех людей у Гоголя легла тень Мстителя, а мне жить хотелось, и я, как хмель, извивался, только бы выйти как-нибудь из этой страшной тени»⁴. Зло и сопротивление

¹ Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943 / подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой; ст. комм. Я. З. Гришиной. М.: РОССПЭН, 2012. С. 220.

² Пришвин М. М. Повесть нашего времени // Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1983. С. 153.

³ Там же. С. 211.

⁴ Там же.

ние злу, о чём в конце XIX в. размышлял в «Повести об антихристе» тоже с помощью условного «сказителя» монаха Пансофия Владимир Соловьёв¹, а в 1925 г. в Мюнхене была издана книга И. А. Ильина [7], – эта проблема постепенно прорисовывается у Пришвина как стержневая, организующая внутреннюю логику повествования.

Непосредственно с проблемой отношения ко злу соотнесён в повести Пришвина образ Алексея Коршунова, которого рассказчик знал с раннего детства, как и его отец Мирона, увлечённого в течение десяти лет Львом Толстым, а затем ещё пятнадцать – Достоевским. Во время переписи населения Алексей записал в графе о вере «неверующий», но отец Вани церковный староста Гаврила Староверов его умолил, встав перед ним на колени, убрать эту запись: «Алёшенька, не губи свою душу! Нельзя, милый мой, о себе написать, что неверующий! От этого потом уже не откажешься, и это уже навсегда, на вечность пойдёт. На коленях тебя прошу, зачеркни!»². Рассказчик, хотя узнал о том, что произошло между Гаврилой и Алёшей много времени спустя, приближает читателя к душе дерзкого молодого человека: «Страшна вечность была Алёше, но страшнее вечности был ему этот седой старик перед ним на коленях»³. В споре с Иваном Алексей заявил, что в борьбе за обновление мира он готов стать коммунистом и тем, кто мешает жить по-новому, «ничего не прощать». Ради этого он готов разойтись даже с другом детства Иваном.

Судьба Алексея предстаёт как исполненная особой горечи и беспредельного мужества: вернулся он из плена изголодавшимся, слабым и измождённым, до утраты желания жить: «До того было трудно выздороветь Алексею Миронычу, что когда

начал он уже и явно поправляться, то выходило это, будто друзья ему навязывали жизнь, и он принимал её с какими-то своими тайными оговорками»⁴. История возвращения Алексея из холодного пространства леса после плена в дом, куда жена его привела другого мужа, обращена к проблеме христианского смирения и одновременно скорби об утраченном, невозможности лгать искреннему своему.

11 января 1942 г. во время сильного снегопада и мороза Пришвин записал в Дневнике: «Я продолжаю думать об этом чудовищном скоплении снежного зла, от которого родится богатейшая весна. Перебрасываюсь от этого в человеческий мир, и вся война представляется мне, как болезнь, охватившая всё человечество»⁵. Самый горький период войны побуждает художника искать истоки и пути к Истине. 21 января 1942 г. Пришвин сделал обобщение относительно цели творчества, ведущей к главной заповеди Нового Завета: «В книгах людей надо учить не рассуждению, книга не для того, чтобы ума набираться, а для того, чтобы учиться любви. ... А теперь, не пустыню ли мы переходим, не изныл ли наш дух в тоске по живой воде? Я жду со всей страстью этого чуда, когда каждая шестигранная снежинка всего огромного скопленного зимою зла превратится в радужную круглую каплю воды; чувствовать, как в душу сходит благодать древнего крещения водою и духом, и слышать голос Отца: Сей есть Сын мой возлюбленный»⁶.

В пространстве Дневника, из которого отчасти родилась повесть, звучит мысль о любви действенной, не зашоренной ревностью и завистью. На той же странице читаем: «Может быть, и настоящие верующие православные люди тем и отличаются от религиозных искателей, что их вера – всегда дело, что у них вера без дел мертва ... У верующих настоящих нет вовсе

¹ Соловьёв В. С. Чтения о богочеловечестве; статья; стихотворения и поэма; из «Трёх разговоров»: краткая повесть об Антихристе / сост., вступ. ст., прим. А. Б. Муратова. СПб.: Художественная литература, 1994. С. 459–486.

² Пришвин М. М. Повесть нашего времени // Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1983. С. 157.

³ Там же.

⁴ Пришвин М. М. Повесть нашего времени // Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1983. С. 209.

⁵ Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943 / подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой; ст., комм. Я. З. Гришиной. М.: РОССПЭН, 2012. С. 21.

⁶ Там же. С. 37.

неудачников, потому что неудачник для них – это грешник, а путь борьбы с грехом открыт даже для тех, кто стоит перед смертью: для них даже смерть побеждается и в самом тяжком деле человек остаётся свободным»¹.

Постепенно любовная забота жены Милочки и её нового мужа Сергея возвращает бывшего пленника к жизни, он обретает силу для активного сопротивления всемирному разрушительному злу. Выздоровевший Алексей тайно от Милочки уходит из дома, чтобы трудиться на восстановлении оккупированных территорий.

В поступке Алёши, как убеждается рассказчик, нет личной обиды на жену. Несмотря на обещание ничего не прощать, он не только прощает женщину, но искренне желает ей счастья «для себя». Милочка, если бы он хотел этого, ушла бы за ним на край света, а он уходит по сердечному желанию сражаться за правду. Дядя Алексей напоминает уходящему, что «всадник с мёртвыми очами был наказан за то, что слишком много мести у бога запросил»², но для Алёши в его служении правде «Бог ни при чём»: «Минуточки времени теперь не истрачу: довольно у нас на Руси Бога искали, а я знаю одно, что за правду иду, делать её иду, а Бог, если он есть, пусть сам найдёт меня, у него время несчитанное»³.

Как ни удивительно, описание мотивов поведения Алёши Коршунова имеет исток размышления Михаила Михайловича о Валерии Дмитриевне, зафиксированные в Дневнике 21 декабря 1942 г.: «Ляля, добрый и жалостливый человек, получив от подлеца стрелу, тут как бы обращается к Богу: “помоги не простить!” и, любя человека в этом враге, тратит все силы, чтоб его вразумить. Да, это “не простить” несомненно есть форма выражения любви, тогда как наоборот, щедрость, любезность

и самая доброта очень часто (как это у меня) являются масками равнодушия и даже презрения к человеку»⁴. На основе размышлений о смелости и дерзости в искреннем сопротивлении злу возникают впоследствии в «Повести нашего времени» строчки о борьбе со злом Алёши, случайно наделённого именем младшего из братьев Карамазовых. Это его образом вдохновлена, возможно, запись 9 января 1942 г.: «Любовь вся истекает из Бога и, проходя через человека, опять возвращается к Богу. И если кто-либо, не называя имени Бога, оказывает любовь, то пусть бессознательно, но он верует. Потому что любовь истекает из Бога»⁵.

Заключение

Тревога, пронизывающая финал «Повести нашего времени», недоговорённость находят своеобразный исток в Дневнике. 20 июля 1942 г. Пришвин определил главную помеху на собственном пути создания художественных произведений: «Единственное же и необоримое препятствие – отрыв духовный от участия в современности. До сих пор чувство родины, как связь с хорошими людьми в прошлом, было цементом, связывающим меня с советской властью: авось, мол, выведут и сами рассосутся народным организмом, авось выздоровеем. ... Современные русские люди живут без этого чувства, им досталась горькая участь рабов цивилизации, прикованных к идеалу будущего благополучия»⁶. Художник, мыслитель, интуитивист, подобно Иоанну Богослову, прозревает отрицательную перспективу будущего. 22 декабря 1942 г., ещё до окончательной победы над рейхом под Сталинградом, Пришвин записал вытекающее из знаний, созерцаний и духовных откровений собственное пророчество: «Теперь уже становится всем видно и без помощи Шпенглера, что Германия – это

¹ Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943 / подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой; ст., комм. Я. З. Гришиной. М.: РОССПЭН, 2012. С. 37.

² Пришвин М. М. Повесть нашего времени // Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1983. С. 213.

³ Там же.

⁴ Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943 / подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой; ст., комм. Я. З. Гришиной. М.: РОССПЭН, 2012. С. 359.

⁵ Там же. С. 18.

⁶ Там же. С. 222–223.

последнее национальное государство, что после её гибели Америка будет господствовать над всем миром, и весь мир под владичеством Америки пойдёт по пути благополучия. В этом движении, конечно, всякого рода национальная расцветка человека сделается блюдом, украшающим стан всеобщего благополучия: разного рода религиозные секты и общины станут модными. ... С этой точки зрения немецкое рабство, конечно, менее страшно для роста нации (внешне скрытого), чем влияние Америки...»¹.

Для мудрого повествователя путь человека с установкой «ничего не прощать» – опасный, мучительный, хотя и жертвенный, внушающий уважение и любовь. Финальные строчки произведения обра-

щены как будто не к Алёше Миронову, который борется со злом как коммунист, но и ко всем деятельным, но объявляющим себя неверующими людям, которым рассказчик смотрит вслед «с непокрытой головой»: «Пусть, Алёшенька, мой любимый сынок, Бог найдёт тебя и поможет тебе, бедному, снять с себя это мученье твоё: всё понять, ничего не забыть и ничего не простить»². Эта молитва согревает финал повести, на событийном уровне незавершённый (война ещё не окончилась), но в плане духовном он имеет финальную силу: его озаряет свет христианской молитвы, обещающей надежду на спасение.

Статья поступила в редакцию 17.01.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова Н. В. Михаил Пришвин: сотворение мифа. 3-е изд. / науч. ред. Л. Г. Сатарова. М.: Флинта, 2019. 170 с.
2. Варламов А. Н. Пришвин. М.: Молодая гвардия, 2003. 548 с.
3. Гачев Г. Д. Русская Дума. Портреты русских писателей. М.: Новости, 1991. 272 с.
4. Гачева А. Г. «Почему мир не мир?» Образ войны в философии русского космизма // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 1 (49). С. 44–62.
5. Гачева А. Г., Казнина О. А., Семенова С. Г. Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 400 с.
6. Дефье О. В. Концепция и символика «органического творчества» в книге М. Пришвина «Журавлиная родина» // Русская словесность. 2018. № 3. С. 25–30.
7. Ильин И. А. О сопротивлении злу силою. Pro et Contra. Polemika вокруг идей И. А. Ильина о сопротивлении злу силою. М.: Айрис-пресс, 2005. 576 с.
8. Климова Г. П. Творчество И. А. Бунина и М. М. Пришвина в контексте христианской культуры: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1993. 52 с.
9. Кнорре (Константинова) Е. Ю. «Бог есть существо лицеродящее и противузаконное»: концепция «истинной революции» в персонализме М. Пришвина // Поиск истины как аксиологическая парадигма гуманитарного знания: прошлое, настоящее, будущее: материалы по итогам VII Иоанновских научных чтений, Москва, 23 октября 2017 г. М.: Летний сад, 2018. С. 192–198.
10. Кнорре (Константинова) Е. Ю. Метафизика краеведения: «путь к новой земле» в дневниках и художественных произведениях М. Пришвина в контексте религиозно-философских исканий китежан 1910–1920-х гг. (А. Мейера, С. Дурылина, П. Флоренского, А. Ухтомского, Н. Андциферова) // Русская словесность. 2018. № 3. С. 31–40.
11. Кнорре Е. Ю. Сюжет «пути в Невидимый град» в творчестве М. М. Пришвина 1900–1930-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 300 с.
12. Михаил Пришвин и русская культура XX века: сборник статей / под ред. Н. П. Дворцовой, Л. А. Рязановой. Тюмень: Вектор Бук, 1998. 189 с.
13. Подоксенев А. М. Михаил Пришвин (к вопросу о предмете и методах исследования творчества писателя) [Электронный ресурс] // Credo New. 2013. № 2. URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new (дата обращения: 01.02.2023).

¹ Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943 / подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой; ст., комм. Я. З. Гришиной. М.: РОССПЭН, 2012. С. 360.

² Пришвин М. М. Повесть нашего времени // Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1983. С. 213.

14. Подоксенов А. М. Мировоззренческий контекст повести М. М. Пришвина «Мирская чаша» (Опыт герменевтического исследования). Белгород: Белгородский государственный университет. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2007. 326 с.
15. Творческое наследие Михаила Пришвина в системе современного гуманитарного знания: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции, 20–21 апреля 2018 г. / отв. ред. Н. А. Трубицина. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2018. 323 с.
16. Святославский А. В. Свобода и необходимость: Михаил Пришвин о мастерстве писателя в контексте литературного процесса 1920–1940-х гг. // Русская словесность. 2018. № 3. С. 17–24.

REFERENCES

1. Borisova N. V. *Mikhail Prishvin: sotvorenie mifa* [Mikhail Prishvin: The Creation of a Myth]. Moscow, Flinta Publ., 2019. 170 p.
2. Varlamov A. N. *Prishvin* [Prishvin]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2003. 548 p.
3. Gachev G. D. *Russkaya Duma. Portrety russkikh pisatelei* [Russian Duma. Portraits of Russian Writers]. Moscow, Novosti Publ., 1991. 272 p.
4. Gacheva A. G. ["Why is the World not the World?" The Image of War in the Philosophy of Russian Cosmism]. In: *Solov'evskie issledovaniya* [Soloviev Research], 2016, no. 1 (49), pp. 44–62.
5. Gacheva A. G., Kaznina O. A., Semenova S. G. *Filosofskii kontekst russkoi literatury 1920–1930-h godov* [Philosophical Context of Russian Literature of the 1920–1930s.]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2003. 400 p.
6. Defier O. V. [The Concept and Symbolism of "Organic creativity" in M. Prishvin's book "Crane Homeland"]. In: *Russkaya slovesnost'* [Russian Literature], 2018, no. 3, pp. 25–30.
7. Il'in I. A. *O soprotivlenii zlu siloyu. Pro et Contra. Polemika vokrug idei I. A. Il'ina o soprotivlenii zlu siloyu* [On Resistance to Evil by Force. Pro et Contra. The Controversy around the Ideas of I. A. Ilyin on the Resistance to Evil by Force]. Moscow, Ajris-press Publ., 2005. 576 p.
8. Klimova G. P. *Tvorchestvo I. A. Bunina i M. M. Prishvina v kontekste hristianskoi kul'tury: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Creativity of I. A. Bunin and M. M. Prishvin in the Context of Christian Culture: Abstract of Dr. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1993. 52 p.
9. Knorre (Konstantinova) E. Yu. ["God is a Person-Bearing and Illegal Being": The Concept of "True Revolution" in M. Prishvin's Personalism]. In: *Poisk istiny kak aksiologicheskaya paradigma gumanitarnogo znaniya: proshloe, nastoyashchee, budushchee: materialy po itogam VII Ioannovskikh nauchnykh chtenii, Moskva, 23 oktyabrya 2017 g.* [The Search for Truth as an Axiological Paradigm of Humanitarian Knowledge: Past, Present, Future: Materials on the Results of the VII Ioannovsky scientific readings, Moscow, October 23, 2017]. Moscow, Letny sad Publ., 2018, pp. 192–198.
10. Knorre (Konstantinova) E. [Metaphysics of Local History: "The Path to a New Land" in the Diaries and Works of Art by M. Prishvin in the Context of the Religious and Philosophical Searches of the Kitezh Residents of the 1910–1920s. (A. Meyer, S. Durylin, P. Florensky, A. Ukhtomsky, N. Antsiferov)]. In: *Russkaya slovesnost'* [Russian Literature], 2018, no. 3, pp. 31–40.
11. Knorre E. Yu. *Syuzhet "puti v Nevidimyi grad" v tvorchestve M. M. Prishvina 1900–1930-h gg.: dis. ... kand. filol. nauk* [The Plot of "The Path to the Invisible City" in the Work of M. M. Prishvin in the 1900s–1930s: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2019. 300 p.
12. Dvortsova N. P., Ryazanova L. A., eds. *Mikhail Prishvin i russkaya kul'tura XIX veka* [Mikhail Prishvin and Russian Culture of the Twentieth Century]. Tyumen, Vektor Buk Publ., 1998. 189 p.
13. Podoksenov A. M. [M. Mikhail Prishvin (On the Subject and Methods of Researching the Writer's Work)]. In: *Credo New*, 2013, no. 2. Available at: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new (accessed: 01.02.2023).
14. Podoksenov A. M. *Mirovozzrencheskii kontekst povesti M. M. Prishvina "Mirkaya chasha" (Opyt hermenevticheskogo issledovaniya)* [The Ideological Context of M. M. Prishvin's Story "The Chalice of the World" (Experience of Hermeneutic Research)]. Belgorod, Belgorod State University Publ., Elec, Elec State University named after I. A. Bunin Publ., 2007. 326 p.
15. Trubitsina N. A., ed. *Tvorcheskoe nasledie Mihaila Prishvina v sisteme sovremennogo gumanitarnogo znaniya: materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoi konferentsii, 20–21 aprelya 2018 g.* [The Creative Heritage of Mikhail Prishvin in the System of Modern Humanitarian Knowledge: Materials of the All-Russian (with International Participation) Scientific Conference, April 2021, 20–18]. Elec, Elec State University named after I. A. Bunin, 2018. 323 p.
16. Svyatoslavsky A. V. [Freedom and Necessity: Mikhail Prishvin on the Writer's Skill in the Context of the Literary Process of the 1920s–1940s]. In: *Russkaya slovesnost'* [Russian Literature], 2018, no. 3, pp. 17–24.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексеева Любовь Фёдоровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного педагогического университета;
e-mail: modernen@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Liubov F. Alekseeva – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of the Russian Literature of the 20th century, Moscow Region State Pedagogical University;
e-mail: modernen@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алексеева Л. Ф. Противостояние идей, характеры и судьбы мужчин и женщин в «Повести нашего времени» (1944) М. М. Пришвина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 1. С. 8–18.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-8-18

FOR CITATION

Alekseeva L. F. Opposition of Ideas, Characters and Fates of Men and Women in M. M. Prishvin's "The Tale Of Our Time" (1944). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 1, pp. 8–18.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-8-18